

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

Vet.

~~28363~~

PG-3340-A1-1838 (3)

~~300 D5~~

Confined to Library

Presented by Mrs Stallybrass PROV

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

III.

www.libtool.com.cn

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXXVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 3 дня 1837 года.
Ценсоръ Никитенко.

www.libtool.com.cn

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

www.libtool.com.cn

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?

Кого, куда зовутъ и бубны и тимпанъ?

—Что значать радостные ляки

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругъ свѣтлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... вотъ онъ, вотъ сильный богъ!

Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!

О радость! Полныя тобой

Дрожать, готовы грянуть струны

www.libtool.com.cn

Неллицентриною хвалой.

Эванъ, эвое! Дайте чаши;

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ тирсы наши?

Пѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!

Державный тирсъ въ его рукахъ;

Вѣнецъ желтѣетъ виноградный

Въ чернокудрявыхъ волосахъ...

Течетъ. Его молодые тигры

Съ покорной яростью влекутъ;

Кругомъ летятъ эроты, игры,

И гимны въ честь ему поютъ.

За нимъ тѣснится козлоногій

И фавновъ и сатировъ рой;

Плющемъ опутаны ихъ роти;

Бѣгутъ смитенною толпой

Вослѣдъ за быстрой колесницей:

Кто съ тростниковою цѣвницей,

Кто съ вѣрной кружкой своей;

Тотъ оступившись упадаетъ

И бархатный коверъ молей

Виномъ багровымъ обливаешь

При дикомъ хохотѣ друзей.

Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:

Звучать веселые тямнаны;

Младья нимфы и сальваны,

www.libtool.com.cn
 Составя шумный хороводъ,
 Несуть недвижнаго Силена...
 Вино струится, брызжетъ пѣна,
 И розы сыплются крутомъ;
 Несуть за связаннымъ старикомъ
 И тирсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ тяжело-золотой,
 Вѣнчанный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воесть берегъ отдаленный.
 Власы раскинувъ ю плечамъ,
 Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
 Бѣгутъ Вакханки ю горамъ.
 Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, летятъ, свиваются руками,
 Волшебной пляской топчутъ лугъ;
 И младость пылая толпами
 Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
 Ихъ сладострастные напѣвы
 Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
 Ихъ перси дышать вождельнѣемъ;
 Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
 Сказали: счастье лови!

www.libtool.com.cn

Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.

Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ;
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторить по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Друзья, въ сей день благословенной
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаеъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Приосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

www.libtool.com.cn

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

.....

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремилъ взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сѣнь могильный
Носилъ надъ ея главой.

.....

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Рускихъ не постигнулъ
Ты, съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Рускихъ разгадавъ.....

Россія! бранная царца,
Вспомни древнія права!

.....

Пылай, великая Москва!
Настали времена друіа:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами.
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжать Европы ополченъ;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таеъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнь;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И дланъ народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплатены тебѣ, тиранъ!

www.libtool.com.cn
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душевнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертить,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! . . . Онъ Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

www.libtool.com.cn

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны прищѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Подыметь стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

19 ОКТЯБРЯ 1825.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морсзъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое неслышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ....
 Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
 Еще кого не досчитались вы?
 Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
 Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
 Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
 Подъ миртами Италіи прекрасной
 Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
 Не начерталъ надъ Рускою могилой
 Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
 Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
 Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
 Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
 Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шута,
 И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
 О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
 Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повторялъ: на долгую разлуку
 Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастье куда бъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Отечество намъ Царское-Село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
 Я съ тредетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моей печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О*** мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, ***, счастливцевъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ;
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурю главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О*** мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
 И дивное волненіе мы познали;
 Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
 Но я любилъ уже рукоплесканья,
 Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
 Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
 Ты гений свой воспитывалъ втиши.

Служеніе музъ не терпитъ суеты;
 Прекрасное должно быть величаво:
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты...
 Опомнимся — но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
 Скажи, *** , не то ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
 Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Приди; огнемъ волшебнаго расказа
 Сердечныя преданья оживи;
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я —
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробъ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицей
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! средъ новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

www.libtool.com.cn
КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чѣмъ шумите вы, народныя вѣтія?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Лихъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль руки сольются въ Рускомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сія кровавыя скрижали;

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!

Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Рускаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Рускій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,

Не встанетъ Руская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

www.libtool.com.cn

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—
Большой день Бородины
Мы братской тоской поминая,
Твердили: «Шли же племена,
«Вѣдой Россіи угрожая;
«Не вся ль Европа тутъ была?
«А чья звѣзда ее вела! . . .
«Но стали жъ мы пятою твердой,
«И грудью приняли напоръ
«Племень, послушныхъ волѣ гордой,
«И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
«Кичась, они забыли нынѣ;
«Забыли Рускій штыкъ и снѣгъ,
«Погребшій славу ихъ въ пустынь.
«Знакомый пиръ ихъ манить вновь —
«Хмельна для нихъ Славяновъ кровь:
«Но тяжело будетъ имъ похмѣлье;
«Но долготъ будетъ сонъ гостей

«На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,

«Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

www.libtool.com.cn

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ.

«Но знайте, прошенные гости!

«Ужъ Польша васъ не поведетъ:

«Черезъ ея шагнете кости! . . .»

Обылось — и, въ день Бородина,

Вновь наши вторглись знамена

Въ проломы падшей вновь Варшавы;

И Польша, какъ бѣгущій полкъ,

Вопрахъ бросаетъ стягъ кровавый —

И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;

Враговъ мы въ прахъ не топтали

Мы не напомнимъ нынѣ имъ

Того, что старыя скрижали

Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;

Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;

Они народной немезиды

Не узрять гнѣвнаго лица,

И не услышать пѣснь обиды

Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,

Легкоязычные витѣи,

Вы, черни бѣдственный набать,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы? ... Еще ли Россѣ
 Больной, разслабленный колоссъ?
 Еще ли сѣверная слава
 Пустая притча, лживый сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинимъ строй твердынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
 За кѣмъ останется Волянь?
 За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
 Признавъ мятежныя права,
 Отъ насъ отторгнется ль Литва?
 Напѣ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
 Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
 Сроднить ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
 Смутили ль Рускаго Владыку?
 Скажите, кто главой поникъ?
 Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
 Сильна ли Русь? Война, и морь,
 И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напоръ
 Ее, бѣснуясь, потрясали —

Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена . . .

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!,
Греми, восторговъ общій гласъ! . . .
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть триумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

ПІРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Питербургъ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Руской штыкъ, иль Руской флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибыль Брантовъ утлый боть,
И пошелъ навстрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Чернобровая Жена?

Нѣтъ : Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнить съ нимъ одну;
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питербургъ-городѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ПЪСНИ, СТАНСЫ И СОНЕТЫ.

Томъ III.

3

www.libtool.com.cn

ПѢСНИ, СТАНСЫ И СОНЕТЫ.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали вы?

www.libtool.com.cn

Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

СТАНСЫ Т***МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣняль,
И на лампаду Эпиктета
Златой Гораціевъ фіалъ.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевешь, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!

Зови же сладкое бездѣлье

И легкокрылую любовь

И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,

Живи безпечень, равнодушень!

Мгновенью жизни будь послушень,

Будь молодъ въ юности твоей!

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесныя черты?

Ты, гений! . . . Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье
И гаснетъ пламенной душой.

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить,
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертить.

Но краски чужды, съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходить съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

ФОНТАНУ**БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.**

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принеси я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ бѣду...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странъ прочелъ я дальній;
Но о Маріи ты молчалъ...

www.libtool.org.ru

Свѣтло блѣдное гарема!

И здѣсь уже ль забвенно ты?

Или Марія и Зарема

Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья

Въ пустынной мглѣ нарисовалъ

Свои минутныя видѣнья,

Души неясный идеаль?

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увишь цвѣтуцій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ дръ.

Такъ, музы васъ благословили,
Вѣнками свѣще осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду скинскую пол,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

www.libtool.com.cn
Я пилъ, и дую сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везеть, не слѣзеть съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошолъ!

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить ~~по~~прежнему телега.

Подвечеръ мы привыкли къ ней,

И дремля ѣдемъ до ночега,

А время гонить лошадей.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ тонимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ

И тишину въ ветерный часъ
И своенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользить отважно средь зыбей:
Но ты выигралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический нобѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ . . . я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ:

Одна скала, гробница славы . . .
Тамъ погружались въ холодный сонъ

www.lib.ru

Воспоминанья величавы:

Тамъ угасаль Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Остава міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣль
.
.
.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

www.libtool.com.cn

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы

Перенесу, тобою полнѣ,

Твои скалы, твои заливы,

И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнѣ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая,
Тише . . . чу . . . гитары звонъ . . .
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!

www.libtool.com.cn
Сквозь чугуныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Вѣжить
Гвадалквивиръ.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ.
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

КЪ * * *

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

www.libtool.com.cn

Въ глуши, во мракѣ заточенья

Тянулись тихо дни мои

Безъ божества, безъ вдохновенья,

Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденъе:

И вотъ опять явилась ты,

Какъ мимолетное видѣнье,

Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальных полях
Льет печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска

www.libtool.com.cn

Ни огня, ни черной хаты
Глушь и снѣгъ . . . Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно . . . Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратись,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрной кругъ свой совершить,
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучить.

Грустно, Нина: путь мой скучень,
Дремля смолкнулъ мой ящикъ,
Колокольчикъ однозвучень,
Отуманень лунный ликъ.

ОТВѢТЪ О. Т * * *.

Нѣтъ, не Черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отвѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмага Казбека.

Нѣтъ, не агать въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронъ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, неалобенъ.

ТАЛИСМАНЪ.

—
7

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводить мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами востока
Онъ тебя не одарить,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покорить;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ, чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчить мой талисманъ

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцалуютъ не любя:
Милый другъ, отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ!

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричить:
Воронъ, гдѣ бѣ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подѣ ракитой
Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убить и отъ чего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная.
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ съѣлъ,
А хозяйка ждетъ милѣва,
Не убитаго, живова.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Снова тучи надо мною
Собрались въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ . . .
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Повесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангель, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангель кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься, взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнить душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

www.litcol.ru И живѣли тотъ, и та жива ли?

И нынче гдѣ ихъ уголокъ?

Или уже они увяли,

Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

www.libtool.com.cn

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминають мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

www.libtool.com.cn

TO DAWE ESQ^r.

—

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищеть Мефистофиль.

Рисуй *** черты;
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ гений.

—

www.libtool.com.cn

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшися вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ.
Отселъ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленныя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И пользуют овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,

И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣломъ весельи;

Играетъ и воесть, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ кѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
И лижетъ утесы голодной волной
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснить его грозно нѣмыя громады.

www.libtool.com.cn

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачных скалах,
Шумять и пѣнятся валы,
И надо мной кричать орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терекъ могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и пресмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга

Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои бѣрега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь золь,
Небесъ жилецъ.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЪ.

Высоко надъ сѣмьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рвущій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, возжелѣнный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

ДЕЛИБАНЪ.

Перестрѣла за холмами;
Смотрить лагерь ихъ и нашъ;
На холмъ предъ казаками
Вьется красный делибанъ.

Делибанъ! не суйся къ ласк,
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешьъ на копье.

Эй, казакъ! не рвися къ бою:
Делибанъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

www.libtool.com.cn
Мчатся, сплелись въ общемъ крикъ

Посмотрите! каковы?

Делибашъ уже на пикъ,

А казакъ безъ годовы.

ДОНЪ.

Блеща средъ полей широкихъ,
Вонъ онъ льется! ... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ ..

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.

www.libtool.com.cn
Приготовь же, Донъ заветный,
Для наездниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ;
Тогда вославу Руси ратной,
Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

Когда твои младыя лѣта
Позорить шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права;

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ . . . жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемерныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;

www.libtool.com.cn

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящй, душный кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной авроры;
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,

И ель сквозь иней зеленѣть,
И рѣчка подо льдомъ блеснить.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣтъ ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользи по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телегѣ, то цышкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,

На каменныхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпить,
Иль морозъ окостенить,

www.libtool.com.cn

Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ вѣшнѣ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой развѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугъ помышлять!

То ли дѣло рюжка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома! . . .
Ну, пошелъ же, погоняй! . . .

Что въ имени тебѣ моему?

Оно умереть, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставить мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дать оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, втишинѣ,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

Брожу ли я вдоль улиц шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лиръ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И ягнѣ съ высоты духовной
Мяъ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты,

Твоимъ огнемъ душа пала,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

ПОЭТУ.

Поэты! не дорожи любовію народной:
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

www.libtool.com.cn

Here's a health to thee Mary.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери;
И одинъ безъ гостей
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастныхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

СОНЕТЪ.

Scored out the sunset critic

УЧУЖУВТМ

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливаетъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камозэнъ облакалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудиємъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуетъ идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвижъ забывалъ
Гексаметра священные напѣвы.

ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождаль сѣи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онѣ бродящія нозлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

www.libtool.com.cn

МАДОНА.

Не множество картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посетитель;
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средъ медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величьемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славу и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

ЭХО.

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ —

На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —

И плешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, маханъ крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ, и бросаетъ, и смотреть въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
«Туда, гдѣ за тучей бѣлѣтъ гора,
«Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
«Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!»

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

—

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжые крутя:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровль обветшалой
Вдругъ соломой зацумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

www.libtool.com.cn

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей.
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крути:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ, съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

19 ОКТЯБРЯ, 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

АНЧАРЪ *

Въ пустынь тахлой и скупой,
На почвъ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозъ его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

* Древо яда.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ: лишь вѣкоръ черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлѣворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій;
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листьями,
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

www.libtool.com.cn

А КНЯЗЬ ТѢМЪ ЯДОМЪ НАПИТАЛЪ
СВОИ ПОСЛУШАВШІЯ СТѢЛЫ,
И СЪ НИМИ ГИБЕЛЬ РАЗОСЛАЛЪ
КЪ СОСѢДАМЪ ВЪ ЧУЖДЫЕ ПРЕДѢЛЫ.

ПРИМѢТЫ.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Меттанью вѣчному втиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрные примѣты
Согласны съ чувствами души.

КРАСАВИЦА.

(Въ альбомъ Г***.)

Все въ ней-гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красъ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подружъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питаешь
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтись съ ней, смущенный; ты,
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

ТУЧА.

Последняя: туча: разсвинной. бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно: кругомъ облегла,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ.
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря прочталась,
И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али збруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не алачены стремяна?»

Отвѣчаетъ конь печальный:
— Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,

Свѣтлой збруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Збрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Отъ того мой духъ и ноетъ
Что намѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока, —

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

ПОСЛАВІЯ.

www.libtool.com.cn

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развались, Ветулій молодой
Въ толпу народную летить по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонять;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонять!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умилно вслѣдъ за нимъ стремить усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,

www.libtool.com.cn

Есть нѣкій памятникъ почетный и священнои.
 О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
 Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
 Квириты гордые подъ иго преклонились.
 Кому жъ, о небеса, кому поработились?
 (Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моеи,
 Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
 Ветулій Римлянъ царь! . . . О стыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
 Куда ты нѣтъ мудрецъ, другъ истины, Даместъ!
 Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оставляю Римъ: я рабство ненавижу.
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли я намъ,
 Смиренно поклонясь фортуны и мечтамъ,
 Съдаго циника примѣромъ научиться?
 Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
 Гдѣ все продажное: законы, правота,
 И консулъ и трибунъ, и честь и красота?
 Пускай Глицерія, красавица иладалъ,
 Равно всѣмъ обща, какъ чаша круговая,
 Неопытность другихъ въ насмѣху ловить сѣтъ!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;

Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пусть безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челою
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ дождь!
Я сердцемъ Римлянинъ; кипить въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной пороки изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
И горы и моря оставить за собой

www.libtool.com.cn

И хлынуть на тебя кипящею рѣкой.

Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;

И путникъ, устремивъ на груды камней око,

Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углублень:

«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погублень.»

www.libtool.com.cn

Ш * * * ВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжилъ Тибуллъ, Мѣлецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотой:
Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ.

Но, милый, сжапись надо мною,

Не требуй отъ меня стиховъ!

Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:

Докучной истины я позднѣй вижу свѣтъ.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи

Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,

И, презира мудрые угрозы и совѣты,

Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я, трезвый, межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣлъ Аполлонъ?
Душѣ накутили Парнасскія забавы;
Не долго силнись мнѣ мечтанья музъ и славы:
И, строгимъ опытомъ невольнo пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на рифмахъ лепетать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писать.

П * * * НУ.

Что восхитительный, живой
Войны, сражений и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завидный краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливы, кто миль и страшень міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла

Грешить оправдывая хвала;
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

МЕЧТАТЕЛЮ.

—

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный, мечтатель.
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнуль въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья;
Нѣтъ, нѣтъ: въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,

www.libtash.org.ru
Дрожащій, блѣдный, иступленной,

Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:

Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,

Возьмите отъ меня сей образъ роковой;

Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...

Но мрачная любовь и образъ незабвенный

Остались вѣчно бы съ тобой.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ нестрашны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промысль высокій и святой;
Его баюкаютъ камни молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранить его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣныя
Еще въ младенческую грудь
Вливали искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ;
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!

~~www.kitapodart.ru~~ Какъ дышъ исчезъ мой легкій даръ.

Какъ рано зависти привлечь я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,

Ни гордой жаждою похвалъ

Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливымъ,

Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;

Но, можетъ быть, вдохнувъ восторгъ молчаливомъ,

Внимая звуку струнъ твоихъ.

ЖУКОВСКОМУ.

—

Когда, къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты *для немногихъ*,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбить счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,

www.libtool.com.cn

Кто наслаждение прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и ласковымъ!

В * * * М У .

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ .

www.libtool.com.cn

И тяжелой знатности веселье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипить въ бокалѣ опѣненномъ
Ал холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумять и пьютъ; задорный кубокъ
Обходятъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, выются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой,
Ихъ изступленныя движенія,
Огонь неистовыхъ очей —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья

Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачетъ подѣ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотреть на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потушенные взоры,
И предѣ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые-затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ;
У Пафосскаѣ царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ;

www.libtool.com.cn

Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель:

И подруги шалуновъ

Соберутъ ихъ легкій пепель

Въ урны праздныя шировъ.

N. N.

Я ускользнулъ отъ Эскулана
Худой, обрѣтый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣеть надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Какъ прежде, посѣтили снова
Мой уголь тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры вѣтранный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,

Отъ скуки, столь разнообразной,
Меня зовуть холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода.

.....
.....

www.libtool.com.cn

Ч * * * ВУ.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

.....
Ч * * *, помнишь ли 'былое?

Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое

Предать ~~развалинамъ~~ инымъ?

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лѣнь и тишина,

И, въ умиленъи вдохновенномъ,

На камнѣ, дружбой освященномъ.

Пишу я наши имена.

КЪ ОВИДИЮ.

Овидій, а живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесть и пепель свой оставилъ.
Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль иградищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;

www.libtool.com.cn
Рожденные въ свѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ холодной Скиѣи свирѣные сыны,
За Истромъ утапсь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ проводить безпечные часы,
Ты будешь принужденъ вложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣдой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не уладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть;
Ни пѣсни робкія Октавіа не тронуть;
Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пищешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!

www.libtool.com.cn
Карающую длань слезами отклоните!

Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ,
Послѣднюю мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!..
Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
Твое уныніе и слезы укорить?
Кто въ грубой гордости протѣтъ безъ униженія
Син элегій, послѣдній творенія,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенія,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣсноиѣня,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаніямъ имѣнялъ.
Изгнаніе твое пѣнцѣю втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ утрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный Декабрь на Рускіе луга
Слоями разстидалъ пушистые снѣга;

Зима дышала тайнъ: а съ вѣшной теплою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плутъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подвечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умереть мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой! ...
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,

Не славой, участю я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

АЛЕКСѢВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вдыхать неловко и смѣшно,
Надеждъ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,

Какъ Баратынскій я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?
«Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Остави счастья призракъ ложный,
Безъ упительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ иступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной,
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянеть ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодѣ юностью чужой
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

К***у.

Кто мнѣ пришьетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можеть быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поносить;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приносить.

Ч *** ВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя не достаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блескитъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣю о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденія,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, съти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.

Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружень умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственного друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездною потасенной

www.libtool.com.cn

Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зомловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твою?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расцѣлся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стойческой душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,

www.libtool.com.cn
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И счастливъ буду я: но только ради Бога
Гони ты *** отъ нашего порога.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и пѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блестаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леклы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ или видѣлъ какъ во снѣ,

И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

Д * * * У.

Нельзя, мой толстый Аристий:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Гораций, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.

Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

www.libtool.com.cn

КЪ ЯЗ ***

Яз ***, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Кастальскою водою
Ты воспоешь свою камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Конытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

ЧЕРЕПЪ.

Прими сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежитъ тебѣ поправу.
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударился;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Д***. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,

www.libtool.com.cn

И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора дестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, фізіологъ,
Идеологъ и філологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво

Въ трактирѣ сталъ онъ жѣнить пиво
Въ дыму табачникъ облаковъ,
Вродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхемъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Подуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечиво свичетъ.
Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
Сердечъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ однакожъ наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ . . . скелетъ,

Предметъ, философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ Воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ, взявъ въ сображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой герой
Открылся кистеру душой
И говорить: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой -
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ айдескимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же? ... Онъ, гробовъ хранитель!

www.libtool.com.cn

Что скажутъ мертвые потомъ?»

Но пиво, страха усыпитель

И гнѣвной совѣсти смиритель,

Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.

Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,

Что къ ночи будетъ все готово

И другу назначаетъ часъ.

Они расстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,

Стоитъ герой нагъ знаменитый

У галлерей гробовой,

И съ нимъ преступный кистерь мой,

Держа въ рукъ фонарь разбитый,

Готовъ на подвигъ роковой.

И вотъ визжитъ замокъ заржавый,

Визжитъ предательская дверь —

И сходить вѣтязи теперь

Во мракъ подвала величавый;

Сіяньемъ тощимъ фонаря

Глухіе своды озаря,

Идутъ — и эхо гробовое,

Смущенное въ своемъ покоѣ,

Протяжно вторить звукъ шаговъ.

Предъ ними длинный рядъ гробовъ;

Вездѣ щиты, гербы, короны;

Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ

Почтѣю непробуднымъ сномъ

Высокородные бароны

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой пращѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступить, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какънибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Вольная часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ терень и держалъ въ немъ табакъ. Онъ рассказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежить тебѣ поправу.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу.
Виномъ кипящимъ освяти,
Да заливай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный или пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди разсыянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челою,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣдомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сослѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманить меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подносить
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкосить?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.

www.libtodorov.com Останься ты въ строяхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ спохмѣлья пожинай.

www.libtool.com.cn

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недоувѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харити и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтренный зомилъ,
Когда бѣ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бѣ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

www.libtool.com.cn

Е. Н. У*ВОЙ.**

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ, была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза ...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.

Авось на память поневоля

Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ

Въ тѣ дни, какъ Пр***поле

Еще заборъ не заграждалъ.

КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь пофранцузски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
Поанглійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраннѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,

www.libtool.com.cn
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

КЪ ВЕЛЬМОЖЬ.

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.

www.libtool.com.cn

Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты леств его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростяся, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтреннымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось навремя твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То читатель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѣ Лейнскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,

www.libtool.com.cn

Веселый Вомарше блеснулъ передъ тобою.

Онъ угадалъ тебя: въ илѣнительныхъ словахъ

Онъ сталъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,

О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;

Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,

Какъ пылкій отрока восторговъ полный сонъ;

Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконы,

Глядятъ, и не страшась ревниваго Испанца,

Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.

И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.

Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!

Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...

О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ ушѣютъ

Съ любовью набожность умильно сочетать,

Изъ-подъ настилки знакъ условный подавать;

Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,

Какъ златомъ усыплешь надзоръ угрюмой тетки;

Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовники подьохомъ

Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,

Наденіе всего, союзъ ума и фурій,

Свободой грозною воздыгнутой законъ,

Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,

И мратыми ужасомъ сѣненныя забавы.

Преобразился міръ при громахъ новой силы.

Давно Ферней умолокъ. Пріятель твой Вольтеръ,

Превратности судеб разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донимъ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касті,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывшее истребля.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свестъ приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.
Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ А *** и прелесть ***.
Безопасно окружась Корреджіемъ, Кановой,

www.libtool.com.cn
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душею умиленной.
Вниманья слабого предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой —

www.libtool.com.cn

Она въ ладони бьетъ и хвалить, иль порой
Неблагодарною киваетъ головой.

Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненіе,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —

«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искусствъ:

«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ

«И намъ ихъ передать.» Но счастье поэта

Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,

Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

.....

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издrevле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ: близокъ я тебѣ.
Давно бѣ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,

www.lib.ru

Куда подуетъ непогода;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнанъ,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Мои надежды не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадедъ мой, Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя.

www.libtool.com.cn

ЗЛЕТИЗ.

www.libtool.com.cn

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтъ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей,
Недолго радовать собою
Счастливыи кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаждать.
Спѣшу, въ волненіи думъ тяжелыхъ
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.

Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

..... Сокрылся онъ;
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Крутомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онъ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блестали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,

И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй . . . » Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ . . .
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей
Подъ наклоненными крестами
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумить,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдной юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безтучивенной гробницы

www.libtool.com.cn
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда . . . другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводить ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Мени мѣрвить, любви не выражая.

www.libtool.com.cn

Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставь меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣеть онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.**Посвящено Н. Н. Р.**

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait . . .

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Влизъ Данте тѣмъ его внимаетъ,

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сопедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ цезнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

www.libtool.com.cn

Подъясась вновь усталая сѣкира

И жертву новую зоветъ.

Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира

Въ послѣдній разъ ему поеть ¹.

Заутра казнь — привычный пиръ народу;

Но лира юнаго пѣвца

О чемъ поеть? Поеть она свободу:

Не измѣнилась до конца!

.....

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:

Я плахъ обреченъ. Послѣдніе часы

Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою

Палачъ мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ

Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали

Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,

И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминае,е,

Исполните мое послѣднее желанье;

Оплачьте, милые, мой жребій въ типинѣ;

www.libtool.com.cn

Страхитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
О братъ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранить. У Авеля, у Фанни ²,
Молю, найдите ихъ; невинной музы даны
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падеть: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ; толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной,
И, долго слушая, скажите: это онъ;
Вотъ рѣчь сего. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Утѣшусь . . . и, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя ³,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая . . .
Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.

Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенные очи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье ималилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ, вакхической тревогой утомись
И новымъ пламенемъ незапно воспалюсь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ нирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные цевѣжды,

www.libtool.com.cn

И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
 Мнѣ'ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать безсильныя бразды?
 И что жъ оставляю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустой...

«О нѣтъ!

Умолкни, ропотъ малодушной!

Гордись и радуйся, поэтъ:

Ты не ноникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;

Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;

Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,

Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣтъ правителей безславныхъ⁴;

Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ

.....

Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ немезиду;

Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ

Кинжалъ и дѣву-эмениду!

Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обонишь руку даль,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлой.
Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губи:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Восприниметъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудить утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною!
Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднималъ важны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучать ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа ⁵.

www.libtool.com.cn

Не слышать. Шествіе. безмолвно. Ждетъ плачь.

Но дружба смертный путь поэта очаруетъ ⁶.

Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуе⁷...

Плачь, муза, плачь!...

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
 Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
 (V. *Les derniers vers d'André Chénier.*)

2. У Аеллы, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I):
 одинъ изъ друзей А. III.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les
 odes qui lui sont adressées.

3. И Узница мол.

V. La jeune Captive (Mlle de Coigny).

4. Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait
 célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois,
 attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait de-
 mandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme
 et de dignité, le droit d'appeler au peuple du juge-
 ment qui le condamnait. Cette lettre signée dans la
 nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

5. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е., наканунѣ низ-
 верженія Робеспьера.

www.libtool.com.cn

6. На роковой телегѣ везли на казнѣ съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

—

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя;
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтреннаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,

www.libtool.com.cn

Изъяны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ . . . Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь
И все передо мной затмилосѣ! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ тымною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленія
Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученія.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, тѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь уныль. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блѣснетъ любовь улыбкою прощальной.

www.libtool.com.cn

**ПОДРАЖАНІЯ
ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.**

www.libtool.com.cn

ПОДРАЖАНІЯ

ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса всей долины златной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей къ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ ¹.

Посвящено П. А. О.

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утрепней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой ² :

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

www.libtool.com.cn

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой снѣю тишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ:
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.
А вы, о гости Магомета,
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
Не любить онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ ³.

Смутясь нахмурился пророкъ,
Слѣща послышавъ приближенъе⁴:
Вѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человекъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить
И воскресить его поволѣ?
Что съ неба дни его хранить
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ и холмъ и ниву?

www.libtool.com.cn

Но дважды ангель вострубить;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжить,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесмысленный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертию землю наказую,
На все подъята длань Моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертию наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемаю солнце я съ востока;
Съ заката подыми его.

www.libtool.com/vj

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сунь и воды
И не подавятъ насъ собой ⁵.

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; Онъ могучій:
Онъ править вѣтроумъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падеть съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснили мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

www.libtool.com.cn

Внемите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстися добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,

www.libtool.com.cn

Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавыя сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не съешь своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнуть — Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ:
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынь блуждая три дня и три ночи,

И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжело языкъ и зѣнцы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекамъ,
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣ спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая дрожащей главою поникъ

И чудо въ пустынь тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется палма тѣнистой главой;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. «Нечестивые, пишутъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басенъ.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ, или третьемъ лицѣ.
2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтели и порокомъ, ангеламъ и человѣкомъ и проч. Странный сей риторическій оборотъ встречается въ коранѣ поминутно.
3. «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромнѣнъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться.» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.
4. Изъ книги: *Слѣпецъ*.
5. Плохая физика: но за то какая смѣлая поэзія!

Въ крови горить огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная тѣнь.

Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатанный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣтъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моиxъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзались вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моиxъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи

www.ihtool.com.cn

Въ уста замершія мои

Вложилъ десницею кровавой.

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,

И сердце трепетное вынулъ,

И уголь, пылающій огнемъ,

Во грудь отверстую водвинулъ.

Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,

И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:

«Встань, пророкъ, и виждь, и внемли,

Исполнись волею Моей,

И, обходи моря и земли,

Глаголомъ жги сердца людей.»

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

ЭПИГРАММЫ.

www.libtool.com.cn

ЭПИГРАММЫ.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согнувъ въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

Н. Н.

Примите Невскій альманахъ.
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете *** ова,
Вел *** , Х *** ова;
К *** , дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не пайдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра? .. дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже! ...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣсть я ни слова . . .
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ утасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любого:
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, беспощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить индѣекъ и гусей.

www.libtool.com.cn

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюнею бѣшеной собаки.

ПРІЯТЕЛЮ.

—

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

—

www.libtool.com.cn

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

—

Ты правъ, несносенъ Оирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судить обо всемъ.
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ — и слава Богу.

www.libtool.com.cn

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня вмигъ,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

—

Внимает онъ привычнымъ ухомъ

Свистъ;

Мараютъ онъ единымъ духомъ

Листъ;

Потомъ всему терзаетъ свѣту

Слухъ;

Потомъ печатаетъ — и въ Лету

Бухъ!

www.libtool.com.cn

«Хоть впрочем онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человекъ пустой.»

Да ты чѣмъ полонъ шутъ нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты полонъ дряни, милой мой!

www.libtool.com.cn

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Расчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла,
А ты бездѣльникъ дѣловой.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

— Что жъ новаго? — «Ей Богу, ничего.»
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердить: помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастьемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати
И умны вы не впопадъ.

КЪ Б***

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зомль прямой чухонецъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

—

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ общалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ.
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ —
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ * * * * *.

—

Какъ сатирой безымянной
Ликъ зомла я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученіи ослухи
Расписался мой дуракъ?

СОБРАНИЕ НАСЪКОМЫХЪ.

—
Какия крохотам коровки!
Есть, право, нѣтъ булавочной голени.

Кривошея.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ *** Божія коровка,
Вотъ *** злой паукъ,
Вотъ и *** Россійскій жукъ,
Вотъ *** черная мурашка,
Вотъ *** мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стр.</i>
Торжество Вакха	7
Наполеонъ	11
Вакхическая пѣсня	15
19 Октября 1825	16
Клеветникамъ Россіи	23
Бородинская годовщина	26
Пиръ Петра Перваго	30

ПѢСНИ, СТАНСЫ И СОНЕТЫ.

Пѣвецъ	25
Стансы Т***му	37
Недоконченная картина	39
Возрожденіе	40
Фонтану Бахчисарайскаго дворца	41
Я пережилъ свои желанья	43
Друзьямъ	44
Телега жизни	46
Къ морю	48
Ночной эфиръ	52

	<i>Стр.</i>
Если жизнь тебя обманетъ	54
Къ ***	55
Зимняя дорога	57
Отвѣтъ Ѳ. Т***	59
Козлову	60
Стансы	62
X Талисманъ	64
Воронъ къ ворону летить	66
Предчувствіе	67
Цвѣтокъ	69
Не пой, красавица, при мнѣ	71
To Dawe Esq	72
Кавказъ	73
Обвалъ	75
Монастырь на Казбекѣ	77
Делибашъ	78
Донъ	80
Олеговъ щить	82
Когда твои молодые лѣта	83
Зимнее утро	85
Дорожныя жалобы	87
Что въ имени тебѣ моемъ?	89
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ	90
Въ часы забавъ иль праздной скуки	92
Поэту	94
Пью за здравіе Мерк.	95
Сонетъ	96
Цыганы	97
Мадона	99

	<i>Стр.</i>
Эхо.....	100
Узникъ.....	101
Зимній вечеръ.....	102
19 Октября, 1827.....	104
Даръ напрасный, даръ случайной.....	105
Анчаръ.....	106
Примѣты.....	109
Красавица.....	110
Туча.....	111
Сербская пѣсня.....	112

ПОСЛАНИЯ.

Лицинію.....	117
Ш***ву.....	121
П***ну.....	123
Мечтателю.....	125
Дельвингу.....	127
Жуковскому.....	129
В***му.....	131
Кривцову.....	134
Н. Н.....	136
Ч***ву.....	138
Къ Овидію.....	140
Алексѣеву.....	145
К***у.....	147
Ч***ву.....	148
Гречанкѣ.....	152
Д***у.....	154
Къ Яз***.....	156
Черепъ.....	157

	<i>Стр.</i>
Книжка З. А. Волконской	164
Отвѣтъ Катенину	165
Отвѣтъ А. Н. Готовцовой	167
Е. Н. У*** вой	168
Калмычкѣ	170
Къ вельможѣ	172
Отвѣтъ анониму	177
Къ Языкову	179

ЭЛЕГИИ.

Увы, затѣмъ она блистаетъ	183
Гробъ юноши	185
Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты	188
Андрей Шенье	190
Примѣчанія	197
Желаніе славы	199
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье	201

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

Виноградъ	205
О дѣва-роза, я въ оковахъ	206
Подражанія Корану	207
Примѣчанія	216
Въ крови горитъ огонь желанья	217
Вертоградъ моей сестры	218
Пророкъ	219
Ангель	221

ЭПИГРАММЫ.

Прозаякъ и Поэтъ	225
Совѣтъ	226

	<i>Стр.</i>
Н. Н. www.libtool.com.cn	327
Пріятелямъ	228
Охотникъ до журнальной драки	229
Пріятелю	230
У Кларисы денегъ мало	231
Добрый человѣкъ	232
Ех ивгуе Леопет	233
Исторія стихотворца	234
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный	235
Какъ брань тебѣ не надоела!	236
Любопытный	237
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати	238
Къ Б***	239
Литературное извѣстіе	240
Какъ сатирой безымянной	241
Собраніе насѣкомыхъ	242

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

СОЧИНЕНІЯ

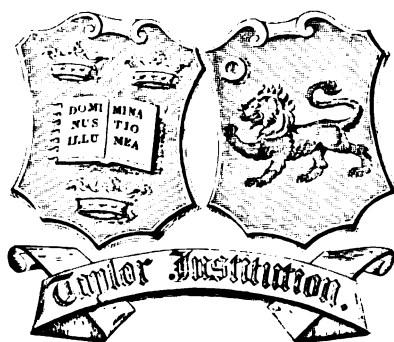
Александра Никитина.

ТОМЪ ТРЕТІИ.

3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

MDCCCXXXVIII.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

T 35

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

783565

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.librook.com.cn

www.libtool.com.cn